

Жизнь в воздухе

К Майе Плисецкой лебеди прилетают даже зимой

Майя Крылова

Когда Майя Плисецкая танцевала в Большом театре, мы знали о ней почти все. Теперь она живет в Мюнхене, и информация доходит отрывочно. Сейчас она приехала в Москву на музыкальный фестиваль Щедрина, и у нашего корреспондента появилась возможность побеседовать с прославленной балериной.

— Майя Михайловна, чем вы нынче занимаетесь?

— В последнее время я много езжу по миру с Родионом Константиновичем. Мы частоываем в Питтсбурге, где Щедрин объявлен «композитором года», там записываются его компакт-диски. За последний год три раза посетили Лондон, три раза летали в Америку. В Финляндии — там есть город Вааза — состоялся фестиваль музыки Щедрина. Слава Ростропович сыграл несколько концертов Родиона в Вильнюсе, Париже и Франкфурте.

Но началось все нерадостно — 11 сентября прошлого года. В тот самый день мы летели в США. Уже подлетаем к Вашингтону, и вдруг пилот объявил: «Леди и джентльмены, Америка атакована террористами, садимся в Канаде». Мы приземлились на аэродром военной базы, где провели четыре дня. Там оказались какие-то проблемы со связью, и эти четыре дня мы были оторваны от мира. Наблюдали, как живут солдаты никогда не воюющей страны. Хорошо живут. Едят до отвала, причем целый день. Шеки такие большие у всех...

Потом в Нью-Йорке состоялась презентация книги «Я, Майя Плисецкая», ее издал Йельский университет. Английский — одиннадцатый язык, на котором напечатаны мои воспоминания.

— Вы приехали в Москву на музыкальный фестиваль Щедрина, а не как знаменитая балерина Плисецкая. Статус «мужней жены» вас устраивает?

— Я очень радуюсь, когда меня называют «мадам Щедрин». Это новая роль в моей жизни.

— В России вас знают прежде всего как великую классическую балерину. А вы много лет назад сказали, что классика вам надоела...

— Еще в балетном училище так получалось, что, когда меня ставили в концерты, это всегда были новые постановки. Классические балеты я любила, но, когда я их все перетанцевала, мне захотелось исполнять что-то другое. То, чего никогда раньше не было. Поэтому я обожала балет «Кармен», его поставили специально для меня, под мои актерские возможности. Я ведь с пяти лет мечта-

ла стать актрисой. В балет меня отдали, а я хотела играть или в драмтеатре, или в кино. Помню, Рубен Симонов, возглавлявший Театр имени Вахтангова, уговаривал меня перейти к нему: «В балете ты рано перестанешь танцевать, а в драме можно играть всю жизнь». Но я как раз тогда получила партию Раймонды...

Когда я впервые увидела «Болero» Мориса Бежара, я просто заболела. Я бредила этим балетом, первый раз в жизни мне захотелось станцевать то, что ставили не для меня. Но и классику, которую тоже когда-то поставили не на меня, я исполняла по-своему. И меня за это часто ругали: ломает каноны. А я не нарочно, просто мне казалось, что так будет музыкальнее, интереснее.

— Подсчитано, что за тридцать лет вы станцевали 800 «Лебединых озер». Что для вас образ лебедя? Вот Анна Павлова так любила лебедей, что часто с ними фотографировалась, держала их в своем английском имени...

— В Тракае, где у нас дом, тоже живут лебеди. Я вам расскажу совершенно мистическую историю. Мы уже несколько лет

встречаем в Литве Новый год. В прошлом году мы прилетели туда 30 декабря. Наш дом стоит на озере. И вдруг мы видим, что с озера к дому летят четырнадцать лебедей — сказать «здравствуйте».

— Лебеди зимой?

— Вот именно. У нашего дома они появились всего на час. А дальше было вот что. На днях мне звонят из Тракая: «Майя Михайловна, верьте или не верьте, но 20 ноября прилетели семь лебедей». Это день моего рождения. Они меня поздравляли, я так думаю.

Жалею, что никогдя не вела счет, сколько раз я станцевала «Умирающего лебедя». Но если вы напишите «пятьдесят тысяч» — не ошибетесь. В этом маленьком балете, который

Михаил Фокин поставил для Павловой, я каждый раз

танцевала иначе. Я вообще импровизатор по натуре. На меня жаловались балетмейстеры: на

Плисецкую невозможно ставить, она все равно сделает по-

своему. Фокинского «Лебедя»

мне интересно танцевать всегда. Как-то в Лиссабоне я бисировала номер четыре раза и каждый раз по-иному: выходила на сцену то лицом, то спиной, то слева, то справа.

«Всю классику я танцевала немножко с юмором».

Фото Бориса Кауфмана (ИГ-фото)

— Критики называют вас трагедийной балериной, а вы как-то обмолвились, что мечтали о комедийных ролях...

— Да, но эта мечта почти не осуществилась. Так получилось, что и «Кармен», и «Чайка», и «Дама с собачкой» — серьезные вещи. Только в «Дон Кихоте» чуть смеховая роль, и все. Но на самом деле я всю классику танцевала немножко с юмором. Мне казалось, что, если все это делать на полном серьезе, будет скука смертная. Например, в «Раймонде» я в последней вариации нарочно усиливаю венгерский уклон. Я всегда очень любила народно-характерные танцы: мазурки, краковяки, у меня в школе по ним были хорошие отметки.

— Отвечая на вопрос о любимых балеринах, вы называли три имени: Галина Уланова, Марина Семенова и Алла Шелест. Ни одной иностранной фамилии...

— Я всегда говорю: «Это мое мнение, и я с ним считаюсь». Часто мое и общее мнения совпадают, но не всегда. Когда-то я вспомнила произвела большое впечатление балерина Люп Серрано из Южной Америки. Люблю Эрика Бруна — он великий датский танцовщик, признан во всем мире. Гилен Тесмар и Микаэль Денар — прекрасный дует из Парижа, как они танцевали «Сильфиду»!

Мне очень нравилась солистка Парижской оперы Лиан Дейде, ее не любили многие французы. Когда я хвалила Дейде, они изумлялись. У меня были слезы, когда она играла сцену сумасшествия в «Жизели», — больше ни от кого не было. После гастролей Гранд-оперы в Москве от Дейде-Жижи многое позаимствовали наши ведущие балерины. Даже Уланова, которая ни с кого ничего не брала, с нее кое-что взяла.

А Шелест была великой артисткой. На таком уровне это в балете почти не бывает. И Алексей Ратманский. Как артисты на меня никто не произвел такого впечатления, как эти двое.

— Вы очень многое видели, имеете возможность сравнивать. Какое место российский балет занимает в мировом балете на сегодняшний день?

— Все решается на индивидуальном уровне. Сегодня можно снять на видео все свои роли. Пленки научили танцевать: смотришь, учишься, исправляешь недостатки. Если ты, конечно, умеешь их видеть.

— Люди не делятся на классы, расы и государственные системы. Только на хороших и плохих. Плохих гораздо больше, хорошие — исключение, подарок неба». Это цитата из вашей книги. Вы и сейчас так думаете? И много ли в вашей жизни было таких подарков?

— К сожалению, это так. Люди себялюбивы. Не самолюбивы, а

С президентом Владимиром Путиным на своем юбилее в Большом театре.

Фото Reuters

именно себялюбивы. Я преклоняюсь перед мудростью Лескова. Помните его строки: «Не стоит сел без праведника? Я бы не знал, кто хорошо играет. А раньше — за ЦСКА. Щедрин в футболе профессионально разбирается, мог бы судить матчи. И был бы не таким бессовестным судьей, каких мы видим на поле. Они делают что-то немыслимое: захотел — за считал гол, захотел — не засчитал. Что судьи делали с итальянцами! Не знаю, как болельщики их не убили на месте. Народ простил последний чемпионат мира только потому, что первое место все же получили бразильцы — лучшие из лучших.

— Не назовете?

— Моя покойная домработница Катя. Совершенно лесковский тип — человек великого терпения. Я расскажу вам один случай. Щедрин — заядлый рыбак, и было время, когда он ездил на зимнюю рыбалку куда-то далеко, за две километров от Москвы. Вставал в три часа ночи. Чтобы не беспокоить меня, Катя и Щедрин придумали способ: муж спал со шнурком на ноге, а Катя, просыпаясь по будильнику, приоткрывала дверь и дергала за другой конец шнурка. Так было в декабре и январе, потом подледный лов кончился. И где-то в мае Катя ему говорит за завтраком: «Хозяя (она так звала хозяина — «хозяя»), ты бы выключил будильник, а то он меня каждую ночь в три будит». В мае!

— Вы знакомы с массой знаменитостей: от Марка Шагала и модельера Кардена до братьев Кеннеди и Юрия Гагарина. А есть ли человек, с которым мечтае познакомиться?

— Нет. Для меня идеал человека — мой муж.

— И Родион Константинович, и вы часто говорите одно и то же: за долгую совместную жизнь вам не было скучно и пяти минут. Как вам это удаётся?

— Никак. Это само собой происходит. Он никогда меня не раздражал, ни разу не обидел, ни разу не сделал ничего такого (не только в отношении меня), что бы мне не понравилось.

— В Москве у вас было два хобби: раскладывание пасьянсов и футбол. А в Германии?

— Хотя моя жизнь проходит на три дома, но главным образом в

— В третьей фразе ваших мемуаров написано: «Про меня наплели кучу небылиц»...

— Говорят, что хотят. И пишут тоже. Когда меня не выпускали за границу шесть лет, мне Гонтарь, первый зять Хрушева, сказал: «На вас горы доносов». Но не все так плохо. Вот на днях передо мной извинился «Московский комсомолец» за публикацию. (Юная израильская гражданская объявила себя внебрачной дочерью Плисецкой, о чём в «Комсомольце» была статья. — М.К.) На случай, если все это снова начнут раскручивать в прессе, мне пришлось взять у врачей справку, что я женщина, не рожавшая детей.

— Серьезно?

— Совершенно серьезно. Но доказывала я другим: в те дни, когда эта псевдодочка «родилась» в Ленинграде, я танцевала с Большим театром в Австралии, программа называлась «Майя Плисецкая и Большой балет», а сразу же после этого — в Париже с Бежаром. Пришлось запрещивать Францию, и они прислали рецензии с точными датами. Не говоря уже о моем возрасте: для родов было поздновато.

— А чего девушка хотела — денег или знаменитую маму?

— Знаменитую маму. А скорее всего и то и другое. Ей бы пригодилось, потому что она занимается балетом. Лет двадцать назад у меня таким образом уже был «сын». Но там все выяснилось быстрее: в момент его «рождения» мне было девять лет.

— На что вы любите тратить деньги?

— Это моя вторая профессия — тратить деньги. Ни на что, а просто так. Деньги у меня не заливаются.

— Но вас, кажется, никто не видел в бриллиантовых кольцах, очень дорогих шубах или в собственном лимузине...

— Мне это не нужно. Даже то, что было, я часто теряла. Придешь выступать на концерт, снимешь серьги (нельзя же умирающего лебедя танцевать в камешках), где-то оставишь, потом хватишься — серег нет. Я стала любить серебро. Оно красиво и освещает лицо.

— Вы пишете: «Не хочу, чтобы мне опять было двадцать лет». Почему?

— Жизнь уже так прожита, как прожита. Во второй жизни я не сделала бы многих ошибок, но у меня такой характер, что непременно совершила бы новые.

— А я думала, что вы имеете в виду молодость при таком общественном строе, что второй раз не захочешь.

— Это само собой.

— Фантастическая версия: Плисецкой предлагают заново прожить жизнь в другой стране...

— Наверное, все равно нет. Здесь моя родина.